

БЕЗ РАБОТЫ актер никогда не будет актером. Только работа делает его творчески мускулистым, духовно обогащенным, а если это крупные роли, то преодоление сложностей роли и создает актера. В том-то и жестокость и беспощадность нашей профессии, что работ, которые воспитывают, делают актера, не хватает. И не всегда виноваты главные режиссеры. Возьмите любую классическую пьесу, и вы увидите две—четыре хорошие роли. Две—четыре! Мало! Можно быть хорошим актером, играя и эпизодические роли. Можно. И есть такие актеры. Но если быть абсолютно честным, то художником можно вырасти только на крупных ролях. И это правда нашей профессии. Но студенческий период прекрасен еще и тем, что можно (и нужно) играть все, что под силу. И даже выше своих сил, чтобы узнать свои границы. И особенно это поощряется в нашем Щукинском училище. И мы пробовали свои силы, разбивая носы, надсаживая голоса и приобретая мускулы. Пролетело четыре таких коротких года, и мы подошли к выпускным экзаменам, к самому сложному, самому трудно решаемому вопросу: где работать?

С замиранием сердца, с нетерпением, страхом, радостью и желанием отодвинуть этот, может быть, роковой шаг ждали завтрашний день, работали над выпускаемыми спектаклями, готовили новые отрывки из пьес.

На мою долю достались две интересные и, надо сказать, точно определяющие мое будущее лицо — так называемого социального героя — роли: Нил в «Мещанах» М. Горького и Макеев в пьесе К. Симонова «Чужая тень».

Пожалуй, Нил — одна из сложных ролей горьковского репертуара. Он сложен своей идеальностью, декларативностью, уж очень тенденциозно заявленной Алексеем Максимовичем Горьким. Так, по крайней мере, я его воспринимал. И по жизненному своему опыту старался вот эту декларацию и сыграть. И естественно — нажим, петушиные перья, фальшь. Я сам понимал ложь и натугу своего Нила. И чем больше я старался, тем хуже получалось. Товарищи меня обгоняли, находя и образ, и характерность, и человеческую индивидуальность своим героям, а я все учил всех жить, говорил неестественным голосом и понимал, что роль не получается. Составляя биографию Нила (а это один из элементов работы над образом), я среди прочих нафантазированных подробностей его жизни придумал и такое — Нил физически очень крепок. Про таких говорят «крепко сбит». И представил я себе, как он легко и играючи переплывает Волгу туда и обратно, получая от этого огромное наслаждение. И вот когда я увидел его, увидел очень удивленно, как он саженьками плывет к тому, еле видимому берегу, а кругом необъятная ширь, ласковое солнце и жаркий июльский день, — как-то собрался он в моем мозгу. И надумал я, что вот как получается он удовольствие от плавания, так же радуется и от борьбы с тем, что ему не нравится.

И мой Нил после такого ясного видения как-то стал постепенно оживать и становится живым человеком...

В ТЕАТРЕ Вахтангова обычно приглашают одного, максимум двух молодых актеров, поэтому это не решает проблемы устроенности для курса, но для тех, кого приглашают в Театр Вахтангова, подчас решается вся его дальнейшая судьба. И человеческая, и актерская.

И вот в 1950 году, в год окончания училища нашим курсом, руководство театра Вахтангова решило взять четырех актеров. Чем это мотивировалось, мне неизвестно, но так было решено. По рекомендации училища и по согласию с этой рекомендацией в Театр Вахтангова были приглашены Вадим Русланов, ныне известный солист дважды Краснознаменного ансамбля Александрова, Николай Тимофеев, который сейчас работает в Театре Вахтангова и является одним из ведущих актеров театра, Михаил Дадыко, один из правдивейших актеров нашего театра, актер с удивительной органикой поведением на сцене и с не очень легкой актерской судьбой. И я.

Можете представить нашу радость и боязнь поверить в это счастье. Но это была счастливая правда.

...Еще не был окончен четвертый курс, когда однажды меня вызвали в театр. Чудовищно волнуясь, я пришел в театр, дождался конца репетиции, и меня пригласили к театру Симонову.

В театре в это время шел спектакль «Крепость на Волге». Пьеса, рассказывающая об астраханском периоде жизни Сергея Мироновича Кирова, была, как я сейчас помню схематичной, негибкой. Но роль С. М. Кирова была огромной и ответственной,

требовала немалой физической нагрузки, улитывая и энергичный, и напористый, и оптимистичный характер Сергея Мироновича, который надо было играть. С. М. Кирова играл замечательный вахтанговский актер Михаил Степанович Державин. И вот он стал довольно часто прихварывать. Вероятно, в силу этого обстоятельства и в силу возможности попробовать меня в этой роли, прежде чем решить окончательно вопрос о моем приеме в труппу театра, и решил Р. Н. Симонов пойти на этот разговор со мной.

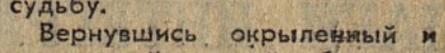
Не очень долгий разговор закончился любезной просьбой Рубена Николаевича ко мне подготовить какой-либо отрывок из пьесы с кем-нибудь из товарищей, с тем чтобы можно было потом показать этот отрывок на сцене театра.

Конечно же, этот показ и должен был решить судьбу не столько роли С. М. Кирова,

Михаил УЛЬЯНОВ
УЧЕБА
ВСЕРЬЕЗ

23 августа в «Московской правде» был напечатан отрывок из книги М. Ульянова «Моя профессия», которая готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия».

По многочисленным просьбам наших читателей сегодня мы публикуем второй отрывок из этой книги.

ва, сколько мою актерскую судьбу.

Вернувшись окрыленный и испуганный такой большой для меня задачей, я рассказал моему близкому другу Юре Катину-Ярцеву о разговоре.

Я НЕ ЗАБУДУ этот день никогда и потому, что он решил мою дальнейшую жизнь и потому, что пережил в этот день буквально панический страх. До этого я был на сцене театра в качестве звонаря. В 25-летний юбилей театра шла пьеса «Дорога победы», и вот там была сцена, где раздавался мощный колокольный звон. И нас пригласили звонить в эти колокола и еще изображать гигантский взрыв. Мы звонили и взрывали, проходя актерскую практику и немного прирабатывая к скудным студенческим копейкам.

Но это было за кулисами, звонили мы по сигналу и, как говорится, отзвонил — и с колокольни прочь, а здесь надо было выходить на громадную сцену недавно построенного театра, на которой стояли стол и два стула. И сейчас отчетливо помню, как, стоя за кулисами, я дрожмя дрожал и хотел только одного, чтобы не состоялся этот показ. «Не надо мне ни роли, ни театра, только бы не выходить на эту сцену» — так или приблизительно так маячило у меня в мозгу. Вот это ощущение не страха даже, а ужаса я помню точно. Я поминутно вытирал мокрые руки и судорожно начинал вспоминать слова, которые все выскочили из головы. У актеров бывают такие ужасные сны: будто ты выходишь на сцену в большой роли и не помнишь ни одного слова. Ну вот прямо ни одного. И просыпаешься в холодном поту. Я видел такие сны. А здесь не во сне, а наяву я стоял за кулисами и понимал, что не помню ни одного слова. И в таком состоянии я должен был выйти оптимистичным, крепким, веселым Сергеем Мироновичем! Но школа чего-нибудь да стоила, недаром же я четыре года недаром как лошадь над своими недостатками. И когда ко мне подошел помощник режиссера и сказал, что все уже в сборе и можно начинать, я собрал все остатки воли и вышел на сцену на бодрых, но ватных ногах.

Огромная черная дыра зрительного зала была бездонной, молчаливой, абсолютно непроницаемой. Казалось, там нет ни одной живой души, но я-то знал, что десятка два глаз придирчиво и безжалостно смотрят на меня. Как я пролепетал весь текст, как я не сел мимо стула, как дожил до конца отрывка, я не помню. Как сыграл? Да наверное, бодро-беспомощно, так бы я определил.

Но все имеет конец, доиграл и я своего Кирова и ушел за кулисы. Спустя несколько минут ко мне подошел все тот же помощник режиссера и сказал, что меня просили идти в училище, а о результатах показа мне сообщат. В каком-то неясном и тревожном настроении мы с Юрой пошли в училище. Хуже нет, чем ждать и догонять, но что еще оставалось делать, как не ждать ответа. Ответ я получил не сразу. Вскоре нам четверым сообщили, что мы приглашаемся в театр. Согласны ли мы? Ну, еще бы! Еще бы!..